

Дмитрий БЛИЗНЮК

1

Окно плавает в чашке с чаем, как поплавок,
и ты опускаешь взгляд в небо,
точно пакетик чая на нитке,
и памятник Ленина ещё стоит
с естественно окаменевшим, замёршим лицом,
как человек, стоящий по пояс в морской воде,
в граните истории.
а война где-то бродит рядом
минотавром с окровавленным поломанным рогом.
и небритые мальчики дерутся на рёбрах.
и бурьян молчит, по горло плывёт в тумане,
и луна на рассвете горько и грустно мычит,
как корова в бедламе,
и осенние лучи косой медью падают во двор,
будто лестница без перил на небеса.
и девушка-оса жалит меня, усыпляет живьем,
оставляет во мне прожорливые личинки миров.

2

Мы в гостях у этой планеты, заскочили на минуту,
перекусить, перебить всю посуду,
переиначить все знаки зодиака,
залить горячим борщом аквариум с рыбками.
иногда запредельно умные фразы
приходят в голову,
точно отпрыски древнегреческих философов.
в их афористичных жилах течёт и бурлит
солнечная пафосная кровь.
мы на 80 процентов состоим не из воды,
но из книг, которые прочли,
из сказок и стихов...

*

Расплавить платиновые дужки

уютного сдвоенного молчания.

и что былая страсть? помятые бумажные цветы,
пропитаны сиропом и отпечатками тонких пальцев.

ты опять вложила душу и тело, тело и душу

в авантюриста, беглеца, временщика, но ты же знала —

это моя дурная привычка — сжигать корабли

вместе с воющими, скулящими рабами в трюме.

заражать женщин прозрачностью, летучестью.

о боже, как же завораживает расцепка вагонов миров!

и всё, что я тебе скажу на прощанье — ложь.

и она теряется в толстых слоях грима,

а все твои слова — подтаявшие пломбиры

с мелкими швейными иглами внутри.

*

Осень — голодная скорпионша

с клейким выводком детёнышей на спине.

но никто не приютит её, не пригреет.

лишь поэт смело протянет руку и скажет: «Сигай ко мне!»

осенью каждый второй если не поэт, то зародыш Гомера.

прошли четыре рыжих недели, без дождей и дрожи.

и каждый третий прохожий ужален роскошным ядом,

и кленовые листья хрустят и шуршат под ногами, точно

чипсы осени со вкусом Пушкина Александра.

а город, а город, а город

исподволь грузно и с грустью впадает в предзимнюю спячку;

дворник жадно сосёт никотиновую лапу —

насыщается медвежьим жиром дворовой мечты.

все эти пейзажи — городские, земные, осенние,

с червивыми чертогами и грудями дряхлого золота,

с кривыми гвоздями в полусгнившей раме,

с голым ветром, босиком шагающим по листьям,

будто невидимка по острым ракушкам на берегу моря —

я никогда не забуду, где бы ни оказался завтра —

в каком-нибудь раю/аду или на незнакомой планете —

спасибо, спасибо, спасибо...

*

Но я не хочу твоего мороженого, спасибо.
женщина в песках — не моя судьба,
и кто-то делает первый шаг,
и брезжит рассвет вместо расстрела;
и все наши стрелы подписаны: свадьба сестры, Крым...
даты ржавых наконечников Амура,
клинический анализ первого поцелуя, свидания,
зубные щётки, дурацкие магнитики из Египта,
всё беспощадно идёт в переплавку,
в беспомощный комок ненависти, обиды, негодования,
хитрой нежности и надежды...
а на съемной квартире вспученные обои с розами
ещё мечтательно раздуваются, как паруса,
истёртые шипы, как карандаши, шепчут "пиши",
и манят вылинявшие лепестки — но это не для меня...
химера с покрасневшими глазами
и сжатыми кулачками выпячивает подбородок,
грудь — соблазняет, ждёт объяснений,
но постель уже размагничена,
и металлические призраки со вкусом зелёных яблок
парами выплывают в распахнутое окно...
каждая новая жизнь — это забытый ты...
будущее — неотвратимое предательство прошлого.
боже, сколько же нас без вины виноватых...